Шукшин — модель для сборки

О книге Алексея Варламова

текст
АЛЕКСАНДР КУЛЯПИН

Сравнительно недавно, в 1999 году, в серии ЖЗЛ уже выходила биография Шукшина, написанная Владимиром Коробовым [Коробов, 1999]. И вот спустя полтора десятка лет возникла потребность в новом жизнеописании автора «Калины красной». Видимо, это связано с тем, что концепция шукшинской судьбы, предложенная читателю рубежа веков Коробовым, явно устарела. Еще в 1977 году критик опубликовал в серии «Писатели Советской России» небольшую книжку «Василий Шукшин. Творчество. Личность». Затем в 1984 году издательство «Современник» выпустило расширенную версию книги. Объем биографического материала постепенно нарастал, но концептуально названные книги отличаются не так уж сильно. Шукшин в представлении Коробова во многом так и остался «писателем Советской России».

Варламов рисует совсем иной образ. Его Шукшина кратко можно было бы обозначить как полиморфную личность эпохи постмодерна.

Дважды, описывая возможные варианты судьбы Шукшина, Алексей Варламов использует борхесовскую метафору «сад расходящихся тропок» [С. 48, 107]. По всей вероятности, писателю близка позиция героя одноименного рассказа (1941) Борхеса. Тот не верил в «абсолютное время» и вполне в духе философии постмодерна доказывал: «Вечно разветвляясь, время ведет к неисчислимым вариантам будущего». Этот контекст объясняет, почему в биографию Шукшина включено, наряду с тем, что произошло, и «то, что не произошло, но могло бы с ним произойти» [С. 107].

Алексей Варламов, писатель, ректор Литературного института (Москва)

Портит все неуместное употребление автором понятия «инвариант»: «...это такой же сад расходящихся тропок, такой же инвариант судьбы Василия Макаровича...» Постмодернистские игры Алексея Варламова приобретают абсурдистский оттенок, ведь «инвариант» — это, как раз, нечто неизменное.

Вместо борхесовского «сада расходящихся тропок» Варламов создал «сад расходящихся Петек» (то есть «Васек», конечно, да простит нас Василий Макарович за такую вольность). Напомним, что именно так редактор предлагал назвать Ургану Джамбону Тулку VII роман «Чапаев и Пустота».

Особенно буйно воображение биографа разыгрывается в эпизоде, посвященном несостоявшимся съемкам фильма о восстании

Степана Разина: «И опять же если позволить себе пофантазировать или перевести биографию Шукшина в постмодернистский дискурс, то можно в духе ранних романов Владимира Шарова представить сцену, как увлеченная режиссером массовка теряет границу между вымыслом и реальностью, идет на Москву, обрастая по дороге тысячами примкнувших колхозных мужиков и городских мастеровых, перед которыми частично разбегаются, а частично переходят на сторону восставшего народа регулярные армейские части, и вступает во главе со скуластым Шукшиным в Кремль» [С. 209].

Постмодернистская игривость проявляется также и в том месте книги, где рассказывается о романе Шукшина с дочерью главного редактора журнала «Огонёк» Викторией Софроновой. По Варламову, «...историю любовных отношений Василия Макаровича и Виктории Анатольевны можно при желании уложить в классическую шпионскую схему: отрядили умную, красивую, талантливую женщину, чтобы с ее помощью вернуть заблудшего Шукшина в свой стан» [С. 153].

Эпиграфом к своей книге Варламов сделал слова Егора Прокудина из киноповести «Калина красная»: «Да не люблю я, когда с биографии начинают. Биография — это слова, ее всегда можно выдумать» [С. 5]. Эпиграф чаще всего дает ключ к прочтению произведения. В данном случае — тоже. В первой же главке писатель отмечает: «К Шукшину можно очень по-разному относиться, любить, не любить, считать последним русским реалистом или первым постмодернистом, видеть в нем бунтаря, пророка, пирата, можно гадать о том, как бы он себя повел, проживи дольше, на чьей стороне был бы в августе 1991-го, а на чьей — в октябре 1993-го...» [С. 7]. Спектр оценок личности и творчества Шукшина, действительно, очень широк, но это, разумеется, не снимает с исследователя ответственности за точность и достоверность интерпретации тех или иных фактов его биографии.

Цитируя письмо Шукшина Василию Белову (февраль, 1966), Алексей Варламов принимает весьма спорную реконструкцию текста: «М<оск>ву обидел? Кэх!.. Ее только колом осиновым можно обидеть» [С. 200]. На самом деле «М-ва» — это Нонна Викторовна Мордюкова. Раскрыл купюру сам Василий Белов еще в 2002 году в книге «Тяжесть креста». Варламову, однако, надо, чтобы «М-ва» прочитывалось как «Москва»; узнав в последний момент из комментариев Дмитрия Марьина к восьмому тому собрания сочинений Шукшина (Барнаул, 2014) правильное толкование, он все же делает сноску: «Последняя версия, как оказалось, точнее, но в шукшинских координатах и от первой не стоит отказываться» [С. 200]. То есть, выходит, что не стоит отказываться даже от заведомо ошибочных трактовок?

Варламовский Шукшин — натура сложная, вернее, «сложенная»: «...к Шукшину-крестьянину и Шукшину-рабочему прибавится Шукшин-матрос, потом учитель и комсомольский деятель районного масштаба, затем столичный студент, творческий интеллигент, и далее, когда пойдет профессиональное умножение личности, — актер, писатель, киносценарист, режиссер, публицист, драматург. Каждая новая социальная роль, каждая новая ступенька не отменит прежней, пройденной. Шукшин станет сложным человеком в самом прямом значении этого слова: сложным, то есть — сложенным» [С. 57]. И еще одна шукшинская черта, настойчиво акцентируемая автором, — противоречивость: в противоречиях «по отношению к самым важным сущностям — семье, вере, обществу — весь Шукшин» [С. 259].

Книги о В.М. Шукшине Алексея Варламова вышли в 2016 году в сериях «ЖЗЛ» и «Алтай. Судьба. Эпоха»

Алексей Варламов охотно пользуется термином «жизнетворчество». Установка на «личное жизнетворчество», по его мнению, присуща даже матери Шукшина [С. 44]. Это, естественно, вызывает сомнения. Но к Шукшину термин применен, безусловно, обоснованно, так как для него создание собственной биографии — предмет целенаправленных усилий. Осталось только осознать логику шукшинского жизнестроительства.

Шукшин за свою недолгую жизнь примерил множество разнообразных социально-психологических и культурно-поведенческих масок, меняя их с поразительной легкостью. Однако, как подчеркивал в статье «Литературная биография в историко-культурном контексте» Юрий Лотман: «Биография становится понятием более сложным, чем сознательно выбранная маска. Она подразумевает наличие внутренней истории».

В книге Алексея Варламова достаточно полно описан набор шукшинских масок, гораздо хуже обстоит дело с «внутренней историей», хотя попытка выявления главного вектора судьбы писателя и режиссера все же предпринята. В отличие от Лотмана, который настаивает на сознательном конструировании биографии писателями разных эпох, Варламов считает, что жизнетворчество Шукшина носит бессознательный характер: «...во всех шукшинских блужданиях можно увидеть определенную цель, своего рода жизнетворчество, едва ли им осознаваемое» [С. 57]. Значимость Шукшина для русской культуры второй половины XX века обусловлена тем, что он неосознанно вобрал «в себя черты русского человека советской эпохи в его наибольшей полноте и широте охвата...» [С. 57]. С этим трудно не согласиться. Вот только простым прибавлением к Шукшину-крестьянину Шукшина-рабочего, Шукшина-матроса, Шукшина-студента, Шукшина-актера и т. д. этот тезис не докажешь. Из ста кроликов не составишь одного слона.

Тонко и глубоко истолкован Варламовым знаменитый шукшинский тост, обращенный к Шолохову: «Мы с вами распустили нацию. Теперь предстоит тяжелый труд — собирать ее заново. Собрать нацию гораздо сложнее, чем распустить...» «Шолохов — намеренно или нет — что-то очень важное сумел разбудить, тронуть в Шукшине, то, что давно искало в нем выхода. <...> прежде чем говорить о том, что мы распустили нацию и что с ней теперь делать, надо на себя поглядеть. Каждый из нас прежде всего себя распустил и себя собрать должен. Вот с чего начинать надо, вот что самое трудное. Он о себе стал по-другому мыслить, тут что-то вроде рубцовского — «думать о своей судьбе» — случилось» [С. 364].

Алексей Варламов восполнил некоторые пробелы в шукшинской биографии, устранил много неточностей, развенчал ряд устоявшихся легенд и мифов. Работа по деконструкции сложившегося в советский период образа писателя им выполнена. Но при этом шукшинская личность оказалась раздроблена на великое множество «я», и теперь на первый план выходит задача по «собиранию» из этих осколков нового цельного Шукшина.

Александр Куляпин, доктор филологических наук, профессор АГПУ